

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

DOI 10.19181/nko.2022.28.2.7

EDN BIBKLF

УДК 323.2

Х. А. Гаджиев^{1,2}

¹ Российский государственный гуманитарный университет.

² РАНХиГС при Президенте РФ.

Москва, Россия.

ДИАЛОГ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Диалог власти и общества – принцип, реализация которого декларируется во многих современных государствах. Между тем такой диалог имеет место только тогда, когда власть создает все необходимые условия для успешного функционирования механизмов и каналов политической обратной связи, что позволяет ей своевременно выявлять, анализировать, понимать и учитывать при выработке политического курса социальные запросы и актуальное проблемное поле общества.

В цифровую эпоху, когда новые технологии продолжают перманентно менять основные сферы общественной жизни, данный вопрос стал ещё более актуальным. Политико-административная сфера не является исключением и в неё сегодня интенсивно внедряют цифровые технологии политического участия и предоставления государственных услуг. Вместе с тем остается открытым вопрос о том, насколько подобные шаги на практике меняют основания и базовые свойства политики, политического управления, политических режимов (прежде всего демократий) и диалога власти и общества. Вызывает, в частности, сомнения нередко встречающееся в научно-экспертных кругах утверждение о том, что цифровизация политико-административного процесса – это шаг в сторону становления демократии нового типа, которая открывает принципиально другие, значительные возможности для участия граждан в принятии государственных решений. Для ответа на указанный вопрос в статье исследуется природа и особенности диалога власти и общества, сущность и основные принципы демократии, анализируются пределы модификации демократий в сторону фактического повышения роли общества в принятии политико-административных решений, рассматривается возможность реализации принципов делиберативной демократии.

Ключевые слова: диалог власти и общества, цифровизация, социальный запрос, демократия, делиберативная демократия.

Для цитирования: Гаджиев Х.А. Диалог власти и общества в цифровую эпоху // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 81-97. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.7. EDN BIBKLF

Введение. Диалог власти и общества – многогранный и краеугольный вопрос с точки зрения понимания многих социально-политических процессов и явлений. Поэтому он затрагивается при исследовании довольно широкого спектра проблем: политических режимов; избирательных систем и избирательного процесса; эффективности власти; процесса функционирования политических систем; политических конфликтов; политического участия; институтов гражданского общества и др. В настоящей работе не ставится цели охватить все перечисленные темы или даже часть из них. В фокусе внимания находится весьма узкая плоскость, которую можно описать с помощью трех групп вопросов, на основе которых проводился весь анализ:

1. Что представляет собой диалог власти и общества? Каким образом он выстраивается в период формирования властных структур (во время борьбы

власти и оппозиции за голоса избирателей) и во время функционирования политической системы? Как формируются социальные запросы и актуальное проблемное поле общества?

2. Как выстраивается и может потенциально выстраиваться диалог власти и общества в демократиях? Возможна ли всеобъемлющая реализация концепции делиберативной демократии на практике? Насколько важно для представительных демократий выявлять, анализировать, понимать и учитывать в политико-административном процессе социальные запросы и актуальное проблемное поле общества? Какие механизмы для эффективной работы с социальными запросами используются на практике?
3. Как цифровизация меняет современные общества с точки зрения политического участия и политической обратной связи? При каких условиях цифровизация может стать фактором совершенствования диалога власти и общества и демократий в целом? Меняется ли под влиянием цифровизации сущность и основные принципы политики и можно ли говорить о возникновении демократий нового типа?

Ответив на обозначенные вопросы, как представляется, можно достигнуть цели нашего исследования – выявить сущность и специфику диалога власти и общества, а также актуальные тенденции его развития в цифровую эпоху.

Диалог власти и общества. *Диалог власти и общества (социально-политический диалог)* – это не просто абстрактный теоретический конструкт, а принцип, на котором выстраиваются многие современные государства (прежде всего демократии), включая свойственные им политические институты. Сразу подчеркнём, что понятие «диалог» в данном случае используется в самом широком смысле, что подразумевает не только **коммуникационный аспект** взаимодействия, но также плоскость **интеракций** между властью и обществом. Такой подход связан с тем, что определённые формы демонстрации мнений и позиций граждан, социальных групп и в целом общества могут происходить через политическую активность, выражающуюся в конкретных действиях. Например, избирая на выборах своих представителей – будущих обладателей власти и голосуя за их политические программы (политическое предложение), граждане тем самым выражают своё мнение и договариваются о том, каким должен быть политический курс на протяжении каденции данной политической силы (политика или партии). Участвуя в референдумах посредством голосования и отвечая на поставленные на них вопросы, граждане высказывают свою позицию по важным государственным проблемам. Кроме того, к формам участия общества в социально-политическом диалоге (и в коммуникационном, и интерактивном ключе) можно отнести: участие граждан в общественных советах при органах власти; участие в деятельности институтов гражданского общества; участие в протестных акциях; участие в публичных слушаниях; участие в процедурах выдвижения общественных инициатив; участие в подписании петиций; участие в социологических исследованиях; выражение мнения через СМИ и т.д.

Власть, в свою очередь, как правило, участвует в социально-политическом диалоге в следующих случаях: в период выборов (когда политики или партии претендуют на получение постов), делая обществу политическое предложение по актуальным социальным запросам и представляя их в виде политических программ; публично объясняя самые важные принятые решения (прежде всего через СМИ); корректируя проводимый политический курс после острой общественной реакции (протестных акций, снижения рейтинга политиков, активизации институтов гражданского общества против проводимого политического курса) и т.д.

Особое место в диалоге общества и власти занимают **социальные запросы** и формирующееся на их основе **актуальное проблемное поле**. Под социальными запросами следует понимать все явные и латентные требования значимых социальных групп к власти, которые формируются на основе совокупности интересов и проблем отдельных индивидов, входящих в эти группы. В то же время социальные запросы нескольких таких групп могут полностью или частично совпадать, образуя их общий запрос. Наконец, совокупность социальных запросов всех значимых групп образует актуальное проблемное поле общества.

Важно различать социальные запросы двух типов: те, что демонстрируются обществом в плоскости конкуренции власти и оппозиции (борьба этих двух сил происходит перманентно, как минимум в публичном дискурсе); те, что проявляются уже по отношению к функционированию властных институтов политической системы и проводимому политическому курсу.

Если говорить о первом типе социальных запросов (см. рис. 1), здесь диалог разворачивается в формате «социальный запрос – политическое предложение». Социальные запросы исходят как от отдельных социальных групп, так и от нескольких одновременно, если обозначенные в них интересы и проблемы совпадают во многом или полностью. Далее все потоки социальных запросов как бы аккумулируются и агрегируются в актуальном проблемном поле, за доминирование в котором конкурируют и борются потоки политических предложений, исходящих от власти и оппозиции. Следует уточнить возможную сложную структуру двух противостоящих сил (всё зависит от специфики политической сферы той или иной страны). Так, власть может быть представлена одной политической силой, полностью доминирующей в политическом пространстве, либо же формироваться из ряда политических сил в виде коалиций (коалиции партий в парламентах, коалиционное правительство и др.) и формулировать совместное

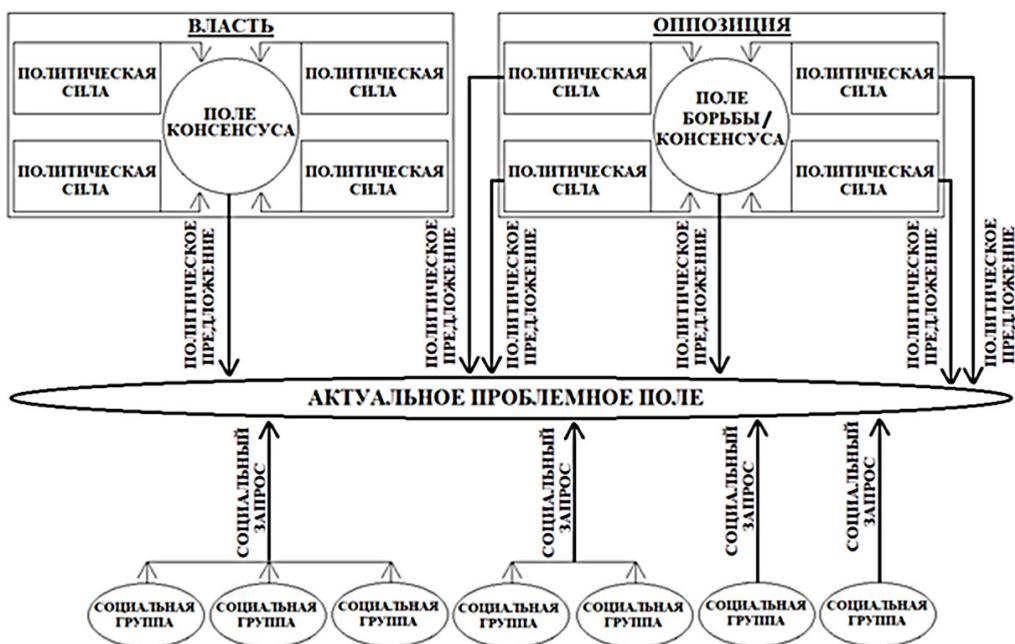

Рисунок 1. Политическая конкуренция за роль власти в социально-политическом диалоге

политическое предложение на основе достигнутого консенсуса. В структуре оппозиции всё намного сложнее. В ней политическое предложение редко исходит в виде совместной программы, выработанной в результате консенсуса и объединения позиций рядом политических сил, хотя такое возможно и порой встречается на практике. Однако нередко оппозиционные политические силы конкурируют не только с властью, но и между собой за социальные запросы и каждая из них имеет собственное политическое предложение для общества, транслируя его в актуальное проблемное поле.

Таким образом, в обозначенном ракурсе актуальное проблемное поле становится основой для пространства диалога между обществом с одной стороны и политическими силами (или их коалициями), которые уже представлены во власти и претендуют на сохранение своих позиций (т.е. властью), а также политическими силами (или их коалициями), претендующими на получение властных позиций по итогам политической борьбы (т.е. оппозицией) – с другой.

Переходя ко второму типу социальных запросов, заметим, что их целесообразно рассматривать как проявление политической обратной связи. Это можно наглядно увидеть, если предложенную нами ранее схему политической обратной связи [1, с. 12], дополняющую модель политической системы Д. Истона [2, с. 384], проиллюстрировать в более детализированном виде, в контексте социально-политического диалога (рис. 2). Так, на схеме видно, что потоки социальных реакций, генерируемые в каналах политической обратной связи (и явной, и латентной), исходят от множества социальных групп и на входе политической системы преобразовываются в социальные запросы. Функцию преобразования реакций в социальные запросы, как представляется, выполняют прежде всего лидеры общественного мнения и институты гражданского общества. Далее социальные запросы входят в «воронку требований» и образуют там актуальное

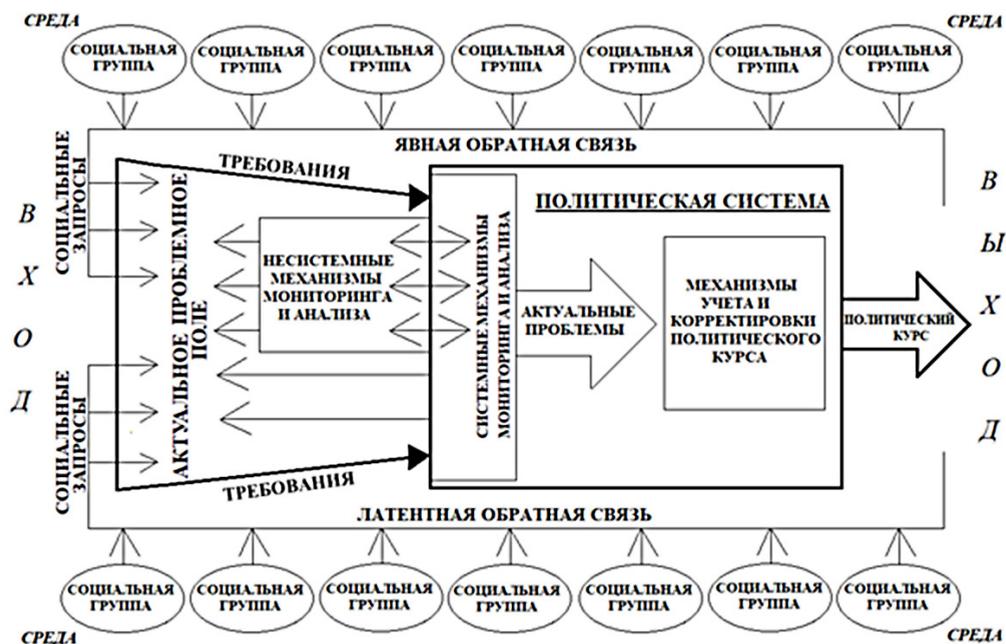

Рисунок 2. Социально-политический диалог в процессе функционирования политической системы

проблемное поле. После этого происходит изучение актуального проблемного поля одновременно несистемными и системными механизмами мониторинга и анализа, которые призваны выявить и проанализировать наиболее значимые и требующие неотлагательного решения социальные проблемы, а также максимально точно понять их суть и причины возникновения, выработав свою интерпретацию (системные механизмы не только осуществляют самостоятельный мониторинг и анализ, но также могут пользоваться результатами, полученными в несистемных механизмах, или даже кооперироваться с ними). Наконец, после этого информация об актуальных проблемах передается в механизмы учета и корректировки политического курса. От того, насколько точно социальные проблемы **поняты** в механизмах мониторинга и анализа и насколько **эффективны решения**, принимаемые в механизмах учета и корректировки, зависит продуктивность диалога власти и общества, а значит – уровень общественной поддержки властвующих, прочность их позиций, а также в целом социально-политическая стабильность и общественное развитие.

Представленная схема социально-политического диалога в рамках функционирования политической системы, конечно, является идеальной моделью. На практике близкое положение дел можно встретить только в развитых демократиях. И одной из значимых проблем, препятствующих выстраиванию такой системы социально-политического диалога, зачастую является недооценка властью политической обратной связи, необходимости учета социальных запросов и более точного изучения актуального проблемного поля. В данном случае, как правило, нарушается коммуникационная составляющая диалога, которая, несомненно, важна и служит основой для последующих интеракций между властью и обществом; коммуникации как бы предваряют интеракции.

Само понятие «диалог» в коммуникационном ракурсе может интерпретироваться в довольно широком ключе: 1) как бесконфликтное, мирное и гармоничное взаимодействие между властью и обществом, выраженное, в частности, в виде переговоров и поиска консенсуса; 2) как конфликтное взаимодействие, выраженное в спорах, дебатах, дискуссиях, борьбе различных точек зрения и мнений. Причем здесь допустим и интеграционный подход, включающий сразу обе интерпретации [3, с. 7], и который, как представляется, является как раз наиболее удачным вариантом для раскрытия сущности диалога. Власть и общество априори не могут обмениваться позициями лишь в бесконфликтном, либо, напротив, только в конфликтном ключе. Как показывает политическая практика, бесконфликтность в таком диалоге может быть только в автократиях, где сами институты и механизмы, формально позиционируемые властью в качестве диалогичных, де-факто такими не являются, а скорее служат созданию видимости общественного одобрения принимаемых решений и в целом политического курса. Зачастую такие квазидиалогичные институты создаются самой же властью. Более того, если бы какая-либо власть в той или иной стране была бы безукоризненно эффективной, воспринимала и учитывала бы все социальные запросы, то там не было бы необходимости ни в сменяемости власти, ни в политической конкуренции, ни в легитимации власти, ни даже непосредственно в самом диалоге власти и общества. Поэтому данный подход не соответствует политической действительности.

Аналогичным образом можно сказать и про то, что диалог власти и общества не может строиться исключительно в конфликтном ключе, поскольку в таком случае он создавал бы перманентное противостояние между ними. Сложно даже представить, как в таком случае могли бы функционировать государственные институты, как могла бы воспроизводиться власть и как, в конце концов, вообще можно было бы говорить об общественной поддержке и легитимности власти.

С учетом этого понятно, что говоря о диалоге власти и общества, необходимо включать в него сразу обе его обозначенные стороны, но с оговоркой, что и власть, и общество стремятся в результате достичь взаимоприемлемых договоренностей, в той или иной степени соответствующих их интересам. Такой подход приводит к необходимости обратиться к вопросу о демократическом строе и возможности его развития в сторону расширения сферы коммуникаций и интеракций между властью и обществом.

Пределы диалогичности демократий. В некоторой степени к идее социально-политического диалога близка получившая широкую известность концепция делиберативной демократии [4-5], согласно которой введение новых институтов политической коммуникации может позволить значительно усилить влияние гражданского общества на политико-административную систему посредством процедур и механизмов диалогической, рациональной дискуссии между властью и обществом. И более того, как считают некоторые сторонники данного подхода, возникающие на такой основе подлинное, рефлексивное общественное мнение позволяет формировать политический курс и задавать его направление [6]. Наконец, отмечается возможность дискурсивного обнаружения общественной пользы и общего блага.

Участники делиберативного диалога, согласно данной концепции, тщательно рассматривают объективную информацию и все доводы, после чего на этой основе сначала определяют то, что составляет надлежащую государственную политику, а затем стараются убедить в своих позициях друг друга [7]. Говоря иначе, делиберативный диалог подразумевает коллективные размышления и совместный (власти и общества) поиск решений, в результате которого достигается взаимопонимание и возникает социальная практика коопераций [3, с. 8-9].

Одной из центральных идей делиберативной демократии является полноценное участие в ходе принятия политико-административных решений на основе субъект-субъектной диалоговой модели коммуникации, где общество определяет повестку дня, а не власть. Данная повестка вместе с предложенными, опять же, обществом способами решения обозначенных проблем транслируется в политическую систему, где происходит как минимум учет этих предложений на правовом уровне, как максимум – проработка и исполнение властью. Все нормативно-правовые акты должны проходить обсуждение в гражданском обществе. Общественность представлена как автономное начало, способное рационально и эффективно самоорганизоваться, направлять и корректировать деятельность власти, устанавливая границы императивам политических структур.

Делиберативная демократия предполагает аргументированное согласование различных взглядов при принятии всех решений для достижения всеобъемлющего консенсуса, охватывающего позиции не только большинства, но также и меньшинства; предполагает действительность, в которой все люди стремятся к взаимопониманию и взаимодействию для достижения общего блага и справедливости [8].

Представленная концепция делиберативной демократии, как можно видеть, предполагает не просто политическую рациональность каждого гражданина, участвующего в диалоге с властью, но также высокий уровень самоорганизации социума, его центральной роли в политико-административном процессе и доминирующего положения в системе принятия решений. Такая модель политической организации общества, конечно, привлекательна с точки зрения популярности демократии и, на первый взгляд, даже имеет некоторые предпосылки для

частичной реализации. Однако тут неминуемо встает целый ряд практических проблем.

Проблема рационального политического участия. Целый ряд известных и признанных исследований электорального поведения [9-11] давно доказали, что даже в самых развитых демократиях избиратели в своем большинстве мало знают о политике, не интересуются ею и не имеют последовательных взглядов в данной плоскости, поскольку политика для них не особо важна и находится далеко не в первых рядах жизненных приоритетов. Они не очень информированы о деталях избирательных кампаний и голосуют без реальной вовлеченности в выборы; а голос за того или иного политика или политическую партию отдается не на рациональной основе [12, с. 50-55]. Соответственно, если основываться на таком отношении общества к центральному институту демократии – выборам, – то тезис об обществе, в котором все граждане являются просвещёнными в вопросах политики и её заинтересованными участниками, выглядит нереалистичным. И если граждане не очень ответственно подходят к выбору своих представителей в сфере принятия решений и при этом зачастую недостаточно компетентны для участия в процедуре их избрания, то как можно говорить об их полноценном участии в принятии политико-управленческих решений и управлении государством, как то предлагают сторонники делиберативной демократии?

Проблема недоверия политикам. Как известно, есть ещё одна веская причина безразличия граждан к политике и их низкой активности в этой сфере – рост недоверия к политическим деятелям. И если в качестве основной цели подлинно демократического строя рассматривать сокращение разрыва между властью и обществом, то надо признать, что по причине такого недоверия и его последствий сегодня данный разрыв только увеличивается [13, с. 15-16]. И хотя понятно, что в различных демократиях указанная тенденция выражается в разной степени, тем не менее, согласно концепции делиберативной демократии, общество и политики должны активно взаимодействовать, успешно кооперироваться, совместно принимать решения. Но возможно ли всё это, если учесть, что часть (допустим, даже меньшая) общества абсолютно безразлична к политике и не доверяет любым представителям власти, а другая, – хотя и сохраняет интерес и активность в данной сфере, но доверяет лишь своим политическим представителям, за которых голосовала, но, согласно концепции, должна доверять также тем политикам, что имеют неприемлемую для неё политическую программу?

Проблема реализации прямого народовластия в представительных демократиях. Как известно, в самых общих чертах демократия интерпретируется через два фундаментальных критерия. Согласно первому из них, она представляет собой такой принцип организации общества, при котором система власти в наиболее полной мере учитывает мнения и интересы управляемого общества. В соответствии со вторым критерием, для того чтобы ту или иную систему власти можно было рассматривать в качестве демократической, достаточно её соответствия формально-институциональным характеристикам: утверждения принципа разделения власти, независимого правосудия, парламентаризма, выборности власти, свободы слова и др. [14, с. 110]. Очевидно, что на практике реже всего встречаются демократии, соответствующие обоим указанным критериям. Чаще можно встретить политические системы, соответствующие лишь второму из них, тогда как он менее важен. И в этом смысле интересен тезис Д. Сартори о том, что идеалы демократии остались в большой мере тем же, что они представляли собой в IV в. до н.э. (за одним важным исключением: стала «цениться» отдельная личность...). А если исходить из того, что идеалы демократии – это все ещё

в основном греческие её идеалы, значит, они адресуются к прямой, а не к представительной демократии [15]. Заметим, что идеалы – это идеалы, а не реальное положение дел. Но в данном случае акцент автором сделан на совершенно правильном моменте: принципы прямой демократии (прямого волеизъявления граждан) и принципы представительной демократии (выражение воли граждан через их представителей) – это совершенно разные принципы, которые ценятся в разной степени, но и реализуемы в разной степени. Если говорить точнее, прямая демократия не может быть реализуема на общегосударственном уровне для полномасштабного осуществления политико-административного процесса, заменив собой практики и институты представительного правления. Искажает ли представительная демократия понимание демократии и отходит ли от идеалов демократии вообще – вопрос отдельный, который в данном контексте не будет затрагиваться. Но то, что концепция делиберативной демократии – это попытка обосновать возможность реализации (хотя и частичной) тех идеалов политического устройства, о которых писал Д. Сартори, путем конвергенции институтов прямой демократии и представительной, найти промежуточный вариант между ними, тяготеющий к нереализуемым идеалам первой из них – довольно очевидно. Это также делает рассматриваемую концепцию уязвимой с точки зрения воплощения на практике.

Проблема трактовки общего блага. Ещё сложнее обстоит дело с вопросом об общем благе. В контексте предназначения политической власти и политического представительства, общественное благо, как правило, интерпретируется достаточно абстрактно, посредством таких критериев как обеспечение счастья максимального числа людей, обеспечение социальной справедливости, законности, достойной жизни человека и т.д. И при этом отмечается, что общее благо достижимо лишь при стремлении к нему всех членов общества совместными усилиями и упорядоченным образом [16, с. 55-57], при котором каждый из них активно работает на общее благо [17, с. 405-406]. Если даже не трогать проблему абстрактности такого рода положений, а следовательно и допустимость самых разных трактовок на практике, то в данной плоскости может возникнуть более серьезная проблема, которую, думается, довольно удачно описал Г. В. Голосов: «Общее благо отсутствует как данность. Любое общество разделено на группы с собственными интересами, и понятие об общественном благе у каждой из таких групп свое» [12, с. 56].

К этому же добавим, что разделение общества на множество социальных групп с несовпадающими интересами является одним из базовых критериев сферы политического. В этом смысле мы солидарны с О. Ф. Шабровым, который подчеркивает: «Итак, наличие у явления этих трех названных признаков – государство, значимые социальные группы, несовпадение интересов – не только необходимо, но и достаточно, чтобы отнести его к числу политических, разумеется, если не соотносить это явление с ценностями, т.е. оставаться в поле науки. Иными словами, политическим можно назвать любое общественное явление, связанное с государством и затрагивающее несовпадающие интересы значимых социальных групп» [18].

Таким образом, тезис концепции делиберативной демократии о стремлении социума к общему благу не соответствует сущности политической сферы. Несовпадающие интересы значимых социальных групп настолько устойчивы, что, в частности, обуславливают наличие политической конкуренции в демократиях, где различные политические силы формируют политические предложения (программы), ориентируясь на те или иные социальные группы как свой потенциальный электорат. Чем больше социальных групп политическая сила пытается охватить в своем предложении, тем более размытым оно получается.

Здесь уместен пример того, как многие сегодняшние политики и политические партии действуют по достаточно простому алгоритму, предполагающему создание для электората универсальных политических программ (недаром получило широкое распространение понятие «партии для всех») и идеологий. По сути это приводит к уходу от необходимости анализа реальных социальных проблем.

Проблема трактовки общей воли. С предыдущей проблемой тесно связан вопрос общей воли. Еще Ж. Ж. Руссо сформулировал его таким образом: «Как, скажут мне, узнать общую волю в тех случаях, когда она никак не высказывалась? Нужно ли будет собирать всю нацию при каждом непредвиденном событии? Оснований собирать нацию тем меньше, что вовсе не обязательно, чтобы её решение представляло собою выражение общей воли; этот способ неосуществим, когда мы имеем дело с многочисленным народом...» [19, с. 164].

В целом, если исходить из принципов делиберативной демократии, в процессе принятия решений должны учитываться интересы всех участвующих в диалоге сторон, всех значимых социальных групп. Это означало бы возможность постоянно принимать решения, устраивающие все конкурирующие взгляды и позиции, что сложно представить на практике. Даже механизмы политической конкуренции, установленные в наилучших демократиях, предполагают приоритетность мнения большинства. И здесь нельзя не согласиться с Д. Дзолу о том, что попытка власти удовлетворить все ожидания и угодить всем конкурирующим точкам зрения означало бы для неё серьезный риск и даже угрозу разрушения политической системы. Поэтому для любой власти вполне предсказуема стратегия, при которой конфликт между множеством социальных ожиданий разрешается посредством императивного выбора [20, с. 142].

Со значительными оговорками можно также сказать, что на практике общей волей, в рамках демократий, по сути становится воля большинства. Но она проявляется во время выборов, а победа на них той или иной политической силы – это победа определенной совокупности основных принципов, методов, средств и целей, предложенных в виде целостной политической программы на период, в течение которого эта сила обретает полномочия для принятия политико-административных решений. Однако сказанное не означает, что данная сила может действовать только в интересах избравшего его большинства. Политические лидеры или партии, получившие свои должности, после выборов обязаны руководствоваться интересами всего общества, но посредством методов, принципов и приоритетов, за которые проголосовало избравшее их большинство. Соответственно, они должны выявлять и учитывать социальные запросы всего общества.

Таким образом, всё рассмотренное выше наглядно показывает, что диалогичность демократий имеет свои пределы, и что принципы, предложенные в концепции делиберативной демократии, выходят за их рамки, а значит – вряд ли реализуемы на практике в полной мере. Хотя нельзя, конечно, отрицать некоторые примеры механизмов политического участия, отчасти похожих на те, что описаны в концепции делиберативной демократии. Один из наиболее ярких – консультативные общественные советы, вырабатывающие рекомендации для органов власти. Вместе с тем, как показала мировая практика, доминирующей их формой являются советы, создаваемые государством, что приводит, как правило, к двум проблемам: 1) они в значительной степени зависят от самих органов власти или должностных лиц; 2) вопросы в таких советах рассматриваются достаточно поверхностно [21, с. 122].

Похожие выводы можно сделать также относительно прямой демократии. На сегодняшний день некоторые её принципы реализуются лишь посредством вкрапления в политические системы отдельных, далеко не самых значимых,

институтов прямого политического участия, и то, которые в большинстве случаев глубоко адаптированы к доминирующей представительной системе. При чем целью их введения является не повышение роли граждан в политическом управлении и их прямого волеизъявления, а скорее укрепление позиций власти, её легитимирующей основы; предотвращение социальных и политических конфликтов; оптимальное разрешение возникающих противоречий [22, с. 400-402]. Элементы прямой демократии в других случаях реализуются либо при установленном контроле со стороны государства, либо допускаются только на самых нижних ступенях публичного управления (на местном уровне).

Диалог власти и общества в условиях цифровизации. Рядом с тезисом о возможности модификации демократии в сторону её делиберативной или прямой моделей и качественного развития социально-политического диалога, всё чаще ставится вопрос о потенциале цифровизации в данном направлении.

В современную эпоху, когда большая часть людей является активными пользователями цифрового пространства (к январю 2022 года число пользователей мобильных устройств во всем мире составило 67,1% от численности населения планеты, пользователей Интернета – 62,5%, пользователей социальных медиа – 58,4%¹), действительно, появилось немало предпосылок для существенного развития диалога власти.

Так, во-первых, значительно расширились возможности выявления и изучения социальных запросов. Прежде всего за счет выхода политического мониторинга на новый уровень и масштаб. Несистемные и системные механизмы мониторинга и анализа социальных запросов получили дополнительные потоки информации, поступающие с цифровых площадок. Граждане в цифровом пространстве активнее высказывают свое мнение, публикуют посты, инициируют обсуждения актуальных проблем, дают оценки принимаемым политическим решениям, комментируют посты, посвященные деятельности политических лидеров и партий и т.д. – всё это огромный массив информации для выявления социальных запросов.

Во-вторых, социальные запросы стали значительно быстрее поступать через цифровое пространство (даже когда напрямую не адресованы власти), а значит – форсированнее стало формироваться актуальное проблемное поле общества, которое, в свою очередь, оперативнее может изучаться несистемными и системными механизмами мониторинга и анализа и, наконец, – обрабатываться механизмами учета актуальных проблем и корректировки политического курса. В целом данная тенденция имеет особое значение, поскольку медленная политическая обратная связь – одна из определяющих и сложнейших проблем функционирования современных бюрократизированных и громоздких политических систем.

В-третьих, цифровизация задала тренд на открытость государства, реализуемую на практике в первую очередь в форме информационной открытости (требования к прозрачности деятельности публичных органов власти) и открытости данных (требования к готовности органов власти активно передавать имеющиеся данные негосударственным контрагентам, повышая для них предсказуемость своих действий) [1]. Это может способствовать росту общественного доверия к власти и активности граждан в процессе трансляции социальных запросов, в результате чего возникают благоприятные предпосылки для развития социально-политического диалога и политической стабильности.

¹ Kemp, S. Digital 2022: Global Overview Report // DataReportal. 26 January 2022. URL: <https://u.to/fWwwHA> (last request 25.05.2022).

В-четвертых, в цифровом пространстве стали появляться новые институты, которые при определенных условиях можно рассматривать в качестве институтов прямого волеизъявления граждан (электронные процедуры выдвижения общественных инициатив, электронные петиции и др.), хотя и де-факто значительно ограниченных.

В-пятых, цифровое пространство, при соблюдении определенных мер безопасности, обеспечения честного голосования и ряда других условий, создает предпосылки для повышения уровня участия в выборах и референдумах за счет дистанционного электронного голосования. Данный аспект, если исключены злоупотребления, является крайне важным, поскольку выборы и референдумы – наиболее масштабные формы трансляции социальных запросов. Кроме того, как известно, чем выше уровень явки на выборах, где граждане, как правило, выбирают из широкого спектра политических предложений (программ), тем больше социальных запросов охватывается и формируется более информативное актуальное проблемное поле общества.

В-шестых, новые технологии значительно повысили политическую конкуренцию власти и оппозиции за счет экстраполяции противостояния на цифровое пространство. У оппозиционных политических сил появилось намного больше каналов для выдвижения своих политических предложений и борьбы за социальные запросы. Это стимулирует власть, стремящуюся сохранить свои позиции, с одной стороны, делать обществу политические предложения, в большей степени отвечающие социальным запросам и актуальному проблемному полю, а с другой – проводить эффективный политический курс. Тем самым цифровизация как бы стимулирует демократии развивать каналы и механизмы политической обратной связи.

В-седьмых, цифровое пространство создает благоприятные условия и широкие возможности для политического просвещения граждан, поскольку они имеют возможность оперативно и достаточно детально изучать любые социально-политические явления, экспертные мнения, новости и т.д., имея при этом доступ к самому разнообразному массиву источников. В результате должен сработать принцип: чем более просвещены граждане, тем более активно и конструктивно они могут участвовать в формулировании социальных запросов и актуального проблемного поля.

Список положительных предпосылок цифровизации для развития диалога власти и оппозиции можно продолжать, но указанные представляются наиболее наглядными и важными. Вместе с тем, разумеется, цифровизацию политико-административной сферы сложно называть однозначно положительным явлением. Она несет в себе немало рисков и угроз. Не претендуя на всеохватность, приведем наиболее важные из них.

Так, во-первых, институты прямого волеизъявления граждан, внедренные в цифровое пространство, могут быть использованы властью для манипуляций общественным мнением и легитимации политико-административных решений. Здесь для общества очевиден риск злоупотреблений со стороны правящих групп.

Во-вторых, при использовании любой формы дистанционного электронного голосования есть риск искажения его результатов правящими группами, поскольку установить общественный контроль за такими процедурами достаточно проблематично. Кроме того, возникает угроза вмешательства в процедуру голосования третьих сторон, преследующих свои политические цели.

В-третьих, аккумуляция огромного массива данных в результате мониторинга и анализа социальных запросов требует обеспечения высокого уровня информационной безопасности для недопущения получения к нему доступа со

стороны внешних (деструктивных) сил. Сегодня в цифровом пространстве происходит большое число кибератак, используются т.н. «технологии искусственного интеллекта», боты и т.д.

В-четвертых, в цифровом пространстве вероятно существенное искажение информационной картины социально-политической реальности, а значит – социальных запросов и актуального проблемного поля. Это может происходить по самым разным причинам: фейковые новости; выбор гражданами ненадежных ресурсов для получения политической информации; необъятный, непрерывный и очень быстрый поток информации, который не дает пользователю возможности более рационально и взвешенно выбирать источники и критически анализировать их содержание и т.д.

В-пятых, при выявлении и изучении социальных запросов, в случае чрезмерного ориентира несистемных и системных механизмов мониторинга и анализа на цифровое пространство, для власти возникает риск получения искаженной картины актуального проблемного поля. Причиной является то, что политическое поведение граждан в цифровом пространстве существенно отличается от поведения в реальной жизни. Помимо того, позиции политически активных пользователей цифрового пространства и транслируемые ими социальные запросы могут кардинально отличаться от позиций тех, кто проявляет активность в обычном формате, даже если они принадлежат к одним и тем же социальным группам.

В-шестых, пожалуй, наиболее непредсказуемой проблемой, возникающей с развитием цифровизации, является проблема трансляции (обществом) и понимания (властью) социальных запросов и выстраивания социально-политического диалога. Дело в том, что если рассматривать цифровизацию как эволюционный процесс, состоящий из трех этапов [23, с. 150-151], – (1) перехода от аналоговых технологий к цифровым, (2) широкого распространения цифровых технологий, (3) становления цифровых технологий в качестве одной из важнейших ценностей в общественной жизни, – то многие современные общества находятся уже на третьем этапе. И надо сказать, что этот тренд носит весьма неоднозначный характер. Прежде всего меняется система ценностей, а значит – и восприятие людьми жизни; меняются коммуникационные форматы, а также привычные способы выстраивания диалога власти и общества. Причем последний аспект является ключевым и его уместно сравнить с пониманием реальности на разных языках, когда одни и те же явления могут совершенно по-разному восприниматься. Аналогичным образом обстоит дело и с цифровым пространством: не все возрастные группы привыкли к новой, еще одной реальности общественной жизни; старшее поколение зачастую не погружено в цифровые технологии даже в близкой степени к погруженности молодежи, или вообще практически не использует их.

Таким образом, в итоге единый диалог власти с обществом в условиях цифровизации затрудняется, поскольку из-за разной степени вовлеченности в цифровое пространство социальных групп и, соответственно, их отличающейся системы ценностей и идеалов, власти необходимо выстраивать дифференцированный, более разнообразный и сложный социально-политический диалог, воспринимаемый максимальным числом социальных групп. С другой стороны, для диалога с той частью общества, что активно использует цифровое пространство, власти необходим кардинальный пересмотр привычных для себя принципов подачи информации; требуется изменение её содержания, а также опора на лидеров общественного мнения нового типа. В противном случае у власти может не получиться не только диалога, но даже монолога в виде информационных потоков, исходящих от неё к обществу: они просто не будут восприниматься. Это создает серьезные угрозы в виде заполнения возникающего в таком случае информационного вакуума

ма другими субъектами политического поля, преследующими собственные цели, в том числе, возможно, и разрушительные для политической системы.

При всем сказанном цифровые технологии не должны внедряться для преобразования диалога власти и общества в более примитивную или формализованную систему коммуникаций и интеракций, а наоборот – совершенствовать его, позволять власти максимально точно и всесторонне понимать социальные запросы и актуальное проблемное поле общества.

Все сказанное иллюстрирует, что цифровизация носит двойственный характер, сочетая в себе как массу положительных и перспективных черт для развития социально-политического диалога, так и негативных, препятствующих такой цели. Но остается открытым еще два важных вопроса. Первый касается того, меняет ли цифровизация политико-административной сферы сущность и базовые принципы политики и политического процесса? Второй – формирует ли цифровизация демократию нового типа, которой свойственны черты прямой или делиберативной демократий?

На оба вопроса, на наш взгляд, можно дать отрицательный ответ. Цифровизация политико-административной сферы и формирование на этой основе так называемой «цифровой демократии», которую чаще называют «электронной», во-первых, не предполагает замены реального политического участия и политического дискурса виртуальными альтернативами. Во-вторых, не идет речи также и о допуске к реальному политическому управлению (к выработке государственной политики) всего общества или даже его большей части, с целью реализации идеалов прямого народовластия или даже делиберативной демократии. Цифровая демократия не меняет сущность и базовые принципы политики, равно как и сложившихся на практике типов демократий, а скорее трансформирует некоторые институты политического участия, создавая их гибридные формы, которые сочетают в себе оффлайн и онлайн практики. Иными словами, цифровые технологии призваны лишь дополнить и разнообразить «традиционные» институты демократии, поэтому было бы точнее говорить не о новой форме демократии, а только о новом облике ее существующих форм.

Выводы. Таким образом, с учетом сказанного выше, относительно диалога власти и общества и проблемы понимания социальных запросов, можно заключить следующее:

1. Диалог власти и общества представляет собой важнейшую плоскость коммуникаций и интеракций между ними в процессе формирования политических институтов (политического участия и политической конкуренции), а также во время функционирования политической системы (проявление политической обратной связью).
2. Диалог власти и общества осуществляется в двухстороннем формате. Во время формирования политических институтов его структура представлена в виде коммуникативно-интерактивной модели «социальные запросы – политические предложения (программы от власти и оппозиции)», а во время функционирования политической системы – «социальные запросы – политический курс». В обоих случаях совокупность социальных запросов формирует актуальное проблемное поле.
3. Для достижения эффективности в проводимой политике власть должна использовать информацию, поступающую из каналов и механизмов политической обратной связи. С этой целью ей необходимо своевременно и всеобъемлюще выявлять, анализировать, понимать и учитывать социальные запросы и в целом актуальное проблемное поле.

4. Принцип диалога власти и общества принципиально отличается от диалога, описываемого в концепции делиберативной демократии. Реальный социально-политический диалог, в полной мере возможный на практике (а в некоторых развитых демократиях частично уже реализуемый), – это те коммуникации и интеракции между властью и обществом, которые формируют социальные запросы и актуальное проблемное поле, на основе которых власть должна принимать политико-управленческие решения. В данном случае от **членов общества не требуется глубоких знаний о политике и их непосредственного участия в окончательном (т.е. фактическом) принятии решений**. Политическое участие заключается преимущественно **в трансляции актуальных, наиболее важных и острых проблем через каналы и механизмы обратной связи**. Такой подход существенно отличается от концепции совещательной (делиберативной) демократии, предполагающей совместное принятие решений властью и обществом, а также и постоянное участие последнего в политико-административном процессе.

Некоторые из практик (общественные советы, общественные инициативы и др.), реализуемые в ряде государств, настолько ограничены и искажены, что скорее служат разделению ответственности за принятые решения между властью и представителями общества, участвующими в таких формальных процедурах, а не реальному участию граждан в политико-административном процессе.

5. Отсюда вытекает, что диалогичность современных демократий имеет свои пределы и любые их модификации на этой основе ограничены невозможностью изменить сущность и базовые принципы политики.
6. Не приводит к изменению сущности и базовых принципов политики также цифровизация, поскольку она осуществляется и допускается на практике лишь в той степени, в которой дополняет и делает разнообразнее «традиционные» институты демократии.
7. При этом цифровизация политико-административной сферы несёт в себе двойственный характер с точки зрения диалога власти и общества, включая в себя как явные положительные стороны и потенциал для развития институтов политического участия, так и серьезные риски и вызовы.

Библиографический список

1. *Гаджиев, Х. А.* Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 8-20. DOI [10.19181/nko.2021.27.1.1](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.1). EDN [ZQH1YZ](https://www.edn.ru/ZQH1YZ).
2. *Easton, D. A.* An approach to the analysis of political systems // World Politics. 1957. Vol. 9, № 3. Pp. 383-400. DOI [10.2307/2008920](https://doi.org/10.2307/2008920).
3. *Зайцев, А. В.* Диалог государства и гражданского общества: к вопросу об идентификации и типологизации // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 5-16. DOI [10.20323/2658-428X-2020-1-6-5-16](https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-1-6-5-16). EDN [MHVOXX](https://www.edn.ru/MHVOXX).
4. *Bessette, J. M.* The mild voice of reason: Deliberative democracy and American national government. Chicago :University of Chicago Press, 1997. 306 p. ISBN 978-0226044248.
5. *Habermas, J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Massachusetts : MIT press, 1989. 301 p. ISBN 0-262-08180-6.
6. *Линде, А. Н.* Политико-коммуникативный кризис демократии и способы его преодоления // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 4 (93). С. 22-25. DOI [10.24158/rep.2021.4.3](https://doi.org/10.24158/rep.2021.4.3). EDN [MTNPTE](https://www.edn.ru/MTNPTE).
7. *Зайцев, А. В.* Делиберативная демократия, диалог и их место в конstellации дискурса публичной политики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. № 15 (158). С. 147-153. EDN [RSMOЕJ](https://www.edn.ru/RSMOЕJ).

8. *Линде, А. Н.* Концепция делиберативной демократии Ю. Хабермаса: значение для теории демократии и теории политической коммуникации. М. : Аспект Пресс, 2022. 172 с. ISBN 978-5-7567-1203-2.
9. *Berelson, B., Lazarsfeld, P., McPhee, W.* Voting. Chicago : University of Chicago Press, 1954. 395 p.
10. *Campbell, A. [et al.]* The American Voter. New York : Wiley, 1960. 573 p.
11. *Nie, N. [et al.]* The Changing American Voter. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1976. 399 p.
12. *Голосов, Г. В.* Автократия, или Одиночество власти. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2019. 160 с. EDN [CEJYBR](#).
13. *Бло, И.* Прямая демократия. Единственный шанс для человечества. М. : Книжный мир, 2015. 304 с.
14. *Делягин, М. Г.* Ценностный кризис: почему формальная демократия не работает // Полис. Политические исследования. 2008. № 1. С. 109-122. EDN [JUQJOV](#).
15. *Сартори, Д.* Вертикальная демократия // Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 80-89. EDN [EQVPXN](#).
16. *Strang, L. J.* The Role of the Common Good in Legal and Constitutional Interpretation // University of St. Thomas Law Journal. 2005. Vol. 3. № 1. Pp. 48-74.
17. *Mulligan, S.* Capabilities and the common good // Irish theological quarterly. 2010. Vol. 75. № 4. Pp. 388-406. DOI [10.1177/0021140010377739](#).
18. *Шабров, О. Ф.* Понятие политического: возможна ли политическая наука? // Власть. 2016. Т. 24, № 9. С. 51-61. EDN [WMUMCB](#).
19. *Руссо, Ж. Ж.* Об общественном договоре: Трактаты. М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 1998. 414 с. ISBN 5-87533-113-5.
20. *Дзюло, Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2010. 320 с. ISBN 978-5-7598-0736-0.
21. *Руденко, В. Н.* Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4(61). С. 116-124. EDN [NCHPOX](#).
22. *Руденко, В. Н.* Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург : УрО РАН, 2003. 476 с. EDN [QVPJKN](#).
23. *Гаджиев, Х. А.* Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции // Политическая наука. 2020. № 3. С. 147-171. DOI [10.31249/poln/2020.03.07](#). EDN [GMADIN](#).

Дата поступления в редакцию: 02.05.2022.

Принята к печати: 10.06.2022.

Сведения об авторе:

Гаджиев Ханлар Аляр оглы, кандидат политических наук, доцент Центра социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ; преподаватель Института государственной службы и управления РАНХиГС. Москва, Россия.

e-mail: gadzhiiev_hanlar@mail.ru

Autor ID РИИЦ: 874575

ORCID: 0000-0003-1506-6988

Researcher ID (WoS): AGF-5426-2022

Kh. A. Gadzhiev^{1,2}

¹ Russian State University for the Humanities.

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
Moscow, Russia.

THE DIALOGUE BETWEEN A GOVERNMENT AND SOCIETY IN THE DIGITAL AGE

Abstract. A dialogue between a government and society is the principal realization of which is declared in many of modern states. Though such dialogue can occur only when authorities make it possible for the mechanisms and channels of political feedback to function successfully which allows to identify, analyze, understand and take into account social demands and the current problematic field of the society while working out a political course.

In the era of digitalization when the new technologies continue to permanently change the basic spheres of the society this question has become more urgent. Political-administrative sphere is not an exception and today digital technologies of political participation and governmental services providing. Though the question to what extent these steps change the essence of policy, political governing and political regimes (primarily the democracies) and the dialogue between government and society. Particularly the statement that digitalization of the political-administrative process is a step towards establishing democracy of a new type raises doubts. The latter creates opportunities for fundamentally different significant opportunities for citizens to participate in public decision-making. For answering the question, the article looks into the nature and peculiarities of a social-governmental dialogue, the gist and the principals of democracy, the limits of modifying democracy towards factual increasing of the role of the society in taking part of political administrative decision making; the possibility of realization of the principles of a deliberative democracy is being considered.

Keywords: the dialogue between a government and society, digitalization, social requests, democracy, deliberative democracy.

For citation: Gadzhiev Kh.A. (2022) The dialogue between a government and society in the digital age. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2. Pp. 81-97. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.7

References

1. Gadzhiev, Kh. A. (2021) Political feedback in conditions of social digitalization. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. No. 1. Pp. 8-20. DOI [10.19181/nko.2021.27.1.1](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.1) (in Russ).
2. Easton, D. A. (1957) An approach to the analysis of political systems. *World Politics*. Vol. 9. No. 3. Pp. 383-400. DOI [10.2307/2008920](https://doi.org/10.2307/2008920) (in Eng.).
3. Zaitsev, A. V. (2020) Dialogue between the state and civil society: on the issue of identification and typologization. *Socio and Political Research*. No. 1 (6). Pp. 5-16. DOI [10.20323/2658-428X-2020-1-6-5-16](https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-1-6-5-16) (in Russ).
4. Bessette, J. M. (1997) *The mild voice of reason: Deliberative democracy and American national government*. Chicago, University of Chicago Press. 306 p. ISBN 978-0226044248 (in Eng.).
5. Habermas, J. (1989) *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Massachusetts, MIT press. 301 p. ISBN 0-262-08180-6 (in Eng.).
6. Linde, A. N. (2021) Political-communicative crisis of democracy and ways of it overcoming. *Society: Politics, Economics, Law*. No. 4(93). Pp. 22-25. DOI [10.24158/pep.2021.4.3](https://doi.org/10.24158/pep.2021.4.3) (in Russ).
7. Zaitsev, A. V. (2013) Deliberative Democracy, Dialogue and Their Place in the Constellation of Public Political Discourse. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political Science*. No. 15 (158). Pp. 147-153 (in Russ).
8. Linde, A. N. (2022) *The concept of deliberative democracy by J. Habermas: Significance for the theory of democracy and the theory of political communication*. Moscow, Aspect Press. 172 p. ISBN 978-5-7567-1203-2 (in Russ.).

9. Berelson, B., Lazarsfeld, P., McPhee, W. (1954) *Voting*. Chicago, University of Chicago Press. 395 p. (In Eng.).
10. Campbell, A. [et al.] (1960) *The American Voter*. New York, Wiley. 573 p. (In Eng.).
11. Nie, N. [et al.] (1976) *The Changing American Voter*. Cambridge, MA, Harvard University Press. 399 p. (In Eng.).
12. Golosov, G. V. (2019) *Autocracy, or the solitude of power*. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg. 160 p. (In Russ.).
13. Blo, I. (2015) *Direct Democracy. The Only Chance for Mankind*. Moscow, Book World. 304 p. (In Russ.).
14. Delyagin, M. G. (2008) Value crisis: Why formal democracy doesn't work. *Polis. Political research*. No. 1. Pp. 109–122 (in Russ.).
15. Sartori, D. (1993) Direct democracy. *Polis. Political research*. No. 2. Pp. 80-89 (in Russ.).
16. Strang, L. J. (2005) The Role of the Common Good in Legal and Constitutional Interpretation. *University of St. Thomas Law Journal*. Vol. 3. No. 1. Pp. 48-74 (in Eng.).
17. Mulligan, S. (2010) Capabilities and the common good. *Irish theological quarterly*. Vol. 75. No. 4. Pp. 388-406. DOI [10.1177/0021140010377739](https://doi.org/10.1177/0021140010377739) (in Eng.).
18. Shabrov, O. F. (2016) The concept of political: is political science possible? *Vlast'*. Vol. 24. No. 9. Pp. 51-61 (in Russ.).
19. Rousseau, J. J. (1998) *About the social contract*. Treatises. Moscow, Kanon-Press, Kuchkovo Pole Publ. 416 p. ISBN 5-87533-113-5 (in Russ.).
20. Zolo, D. (2010) *Democracy and complexity: A realist approach*. Moscow, Ed. House of The State University - Higher School Of Economics. 320 p. ISBN 978-5-7598-0736-0 (in Russ.).
21. Rudenko, V. N. (2007) Advisory public councils in the system of deliberative democracy. *Comparative Constitutional Review*. No. 4 (61). Pp. 116-124 (in Russ.).
22. Rudenko, V. N. (2003) *Direct democracy: models and constitutional-legal institutions*. Yekaterinburg, UrO RAN. 476 p. (In Russ.).
23. Gadzhiev, Kh. A. (2020) Digital space as a field of political confrontation between the authorities and the opposition. *Political Science*. No. 3. Pp. 147-171. DOI [10.31249/poln/2020.03.07](https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.07) (in Russ.).

The article was submitted on May 02, 2022.
Accepted on June 10, 2022.

Information about the author:

Khanlar A. Gadzhiev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Center for Socio-Political Research and Information Technologies, RSUH; Lecturer at the Institute of Public Administration and Civil Service, RANEPa. Moscow, Russia.

e-mail: gadzhiev_hanlar@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1506-6988

Researcher ID (WoS): AGF-5426-2022